

## ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КОРРУПЦИИ

А. Л. Журавлев, А. В. Юревич

**Аннотация:** авторы показывают, что проблема коррупции имеет ярко выраженные психологические составляющие, а также социокультурные корни. Выделяются основные направления психологического изучения коррупции. Рассматриваются возможности психологической науки и практики в противодействии коррупции, такие как изменение толерантного отношения к ней в обществе, мобилизация широких масс населения на борьбу с ней, психологический мониторинг законопроектов, тестирование кандидатов на «взяточемкие» должности с помощью специальных психологических методик и др.

**Ключевые слова:** коррупция, коррупционное поведение, психологическая наука и практика, массовое сознание, формальные и неформальные отношения, психологические меры противодействия коррупции.

**Abstract:** *The authors show that the problem of corruption has strong psychological component, as well as socio-cultural roots. Highlighted the main directions of psychological study of corruption. The possibilities of psychological science and practice in combating corruption, such as a change in tolerance to it in society, grassroots mobilization against it, the psychological monitoring of bills, testing candidates «vzyatkoemkie» posts using special psychological techniques, etc.*

**Keywords:** *corruption, corrupt behavior, psychological science and practice, the mass consciousness, formal and informal relationships, and psychological measures to counter corruption.*

### Социально-психологические исследования коррупции

В мировом рейтинге коррупции Россия занимает 154 позицию из 178 возможных [8], соседствуя с такими государствами, как Кения, Конго, Новая Гвинея и Папуа, причем в этом рейтинге еще в 2000 г. она находилась на 82 месте, за истекшее десятилетие вдвое ухудшив свои позиции. Негативная динамика наблюдается и по другим параметрам. Объем коррупционных сделок увеличился в нашей стране с 40 млрд долл. в 2001 г. до 300 млрд долл. в 2006 г. [16]. Средний размер взятки с конца 1990-х к концу 2000-х годов возрос в 13 раз и достиг 130 тыс. долл., а средний масштаб «откатов» в начале 2000-х годов составлял 5–10% от суммы заказа, в середине 2000-х — 30%, а в конце 2000-х — до 70% [9].

При этом не только возрастают масштабы коррупционной деятельности, но и расширяется ее «объект». Сейчас продаются не только традиционные услуги коррупционеров, но также должности, звания, награды, дипломы, ученые степени, места в представительных органах и многое другое. Отечественная рыночная экономика — самая «рыночная» в мире, в том печальном смысле, что у нас можно купить то, что в других странах не купишь. «Цели участников коррупционных сделок не ограничиваются материальными траншами, включая в круг притязаний переизбрание на выборах, сохранение должности в административной иерархии, новые деловые возможности», — отмечает С.П. Глинкина

[16, с. 236]. Приводятся расценки на депутатские места в Государственной Думе [28, с. 4], где заседает подозрительно много сверхбогатых людей, а также данные о том, что коррупционные доходы депутатов в 15–20 раз превышают их официальные заработки [20]. Статьи в российских газетах пестрят такими заголовками, как «Генеральская должность в Москве стоит миллион долларов», «Коррупционеры украли танковый полк» [16], причем на подобные темы публикуется и немало «заказных» статей, которые тоже являются продуктом коррупции, в данном случае — журналистов. И закономерно, что все чаще звучат утверждения: «страна абсолютно и полностью погрязла в коррупции» [15, с. 460], «практически любые контакты власти и бизнеса в современной России строятся на коррупционной основе» [16, с. 444], «если сравнивать различные социальные недуги, которые сейчас переносит российское общество, то коррупция, бесспорно, является, самым массовым» [20] и др.

Исследователи проблемы подчеркивают, что коррупция представляет собой многоаспектное, многоуровневое<sup>1</sup>, системно организованное социальное явление, интегрирующее в себя экономическую, юридическую, социальную, управленческую, этическую и политическую составляющие [16]. Естественно, в нем присутствует и психологическая составляющая (имея самостоятельное

значение, она органически включена и в перечисленные — социальную, управленческую, этическую и др.), поэтому психологическая наука просто *обязана* — перед самой собой и перед обществом — включиться в его междисциплинарное изучение, а психологическая практика — в его искоренение.

Вместе с тем психология лишь в последнее время присоединяется к обществу научных дисциплин, изучающих коррупцию. Справедливо отмечается, что «в современной научной литературе отражены результаты исследований природы становления коррупции с позиций экономики, политики и права, психологические же особенности формирования коррумпированного поведения у госслужащих не изучены» [26, с. 188]. Ю.М. Антонян пишет: «научные исследования коррупции страдают существенными недостатками, среди которых в первую очередь следует отметить их односторонность. Она выражается в том, что в основном изучаются правовые и социологические аспекты коррупции при полном игнорировании психологических аспектов. Создается впечатление, что берут и дают взятки, злоупотребляют своим служебным положением и т. д. не живые люди с их страстями и влечениями, а некие роботы, лишённые потребности и чувств. Поэтому и предлагаемые меры борьбы с этим явлением не учитывают необходимость решения важнейших вопросов индивидуально-психологического и социально-психологического характера» [12].

Тем не менее *психология коррупции* как самостоятельная и перспективная (к сожалению!) область психологического исследования начинает формироваться. Прорисовываются и ее основ-

<sup>1</sup> Одна из основных классификаций ее форм основана на различении бытовой, деловой и политической коррупции, хотя, естественно, можно выделить и другие ее виды. Например, Д. Кауфман описывает такие, как «скупка государства», влияние на государство и административная коррупция [3]. Различают также «низовую» и «верхушечную» коррупцию и т. п.

ные составляющие: 1) психология коррупционеров; 2) психология коррумпированных, то есть дающих взятки и т. п.; 3) изучение отношения общества к проблеме коррупции и ее конкретным компонентам; 4) исследования социально-психологических процессов, влияющих на коррупцию.

Так, в результате психологических исследований сотрудников органов внутренних дел, осужденных за коррупцию, выявлено, что они обладают такими качествами, как тенденция общаться с небольшим количеством людей, повышенная осторожность при установлении близких отношений, отсутствие жалости по отношению к жертвам коррупции и др. [26]. Психологический профиль коррупционеров близок к профилю сотрудников правоохранительных структур, осужденных за общеуголовные преступления. При осуществлении противоправной деятельности коррупционеры считают, что *расплата за нее не наступит никогда* [26]. Аналогичный эффект выявлен и в зарубежных исследованиях коррупции и назван Й. Ламмерсом «моральной близорукостью» [24]. Для них характерны такие виды психологической защиты, как *отрицание и компенсация*, убежденность в том, что жертвы коррупционных преступлений сами часто совершают подобные преступления, что якобы оправдывает коррупцию. Именно это убеждение во многом позволяет коррупционерам отрицать свою коррупционную деятельность как *преступление* («все так делают, кто-то больше, а кто-то меньше»).

Следует подчеркнуть и то, что в описанных исследованиях выявилась взаимозависимость коррупции и склонности к агрессии, хотя прямой агрессии в кор-

рупционном поведении, как правило, не проявляется. На этой основе высказывается предположение о том, что одним из главных факторов склонности к коррупционному поведению является скрытая агрессия [26]. Значит, высокая агрессивность как одна из главных характеристик социально-психологической атмосферы современного российского общества [30] вносит большой вклад и в коррумпированность.

Социально-психологическое изучение коррупционного поведения позволило определить два ведущих мотива: первый — достаточно очевидный, состоящий в стремлении к получению материальных благ, второй — психологически более интересный и заключающийся в отношении к коррупции как к опасной и увлекательной игре [12]. По мнению Ю.М. Антоняна, «игровые мотивы в коррупционном поведении переплетаются с корыстными и начинают мощно детерминировать друг друга. Наличие именно этих двух основ мотивации, их взаимное усиление в значительной мере объясняет как распространенность коррупции, так и то, что соответствующее поведение реализуется в течение многих лет, становясь образом жизни» [12].

Социально-психологическую картину дополняют социологические исследования коррупции, проводимые фондом ИНДЕМ. В частности, фиксируются такие социально-психологические характеристики современной российской коррупции, как открытость и цинизм [20]. Они согласуются с приведенными ранее данными о том, что нынешние российские коррупционеры, как правило, не боятся расплаты за свои действия и считают их вполне оправданными. Не подвергая сомнению эти результаты,

отметим, что и технологии скрытого, «безопасного» взяточничества непрерывно развиваются, поскольку высокая креативность коррупционеров тоже не вызывает сомнений. В связи с этим укажем, что согласно данным зарубежных исследований наибольших успехов в коррупционных махинациях добиваются творческие люди, характеризующиеся нестандартным подходом к решению задач [24], а некоторые коррупционные схемы просто восхищают своей сложностью и совершенством.

### **Психологические факторы коррупции**

Отчетливо проступают также три важных свойства отношения к коррупции в России, которые непосредственно связаны с массовой психологией россиян.

Во-первых, *толерантность* — отношение к коррупции как к повсеместному («воруют-с», «все берут» и т. п.), неоскорнимому и неизбежному «минимальному уровню зла», не заслуживающему серьезного осуждения. Как пишет Ю.Ю. Болдырев, «сама идея нормальности «минимума коррупции» уже выводит это явление из числа смертных грехов и переводит в разряд неабсолютного зла» [15, с. 457]. В свою очередь, в отчете об исследовании коррупции фонда ИНДЕМ отмечается, что «главная характеристика оценок коррупции — относительное спокойствие» [20]. По данным ИНДЕМ, в нашем массовом сознании доминируют полярные виды отношения к коррупции — «ненависть» и «равнодушие-удовлетворение» (однако преобладает все же второй) [20].

Во-вторых, тот факт, что *выраженное осуждение* в массовом сознании рос-

сиян *вызывают* не сами по себе акты коррупции, а лишь *запредельные размеры взяток*, в особенности, если они «непропорциональны» должности коррупционеров. Например, недавний случай, когда рядовой следователь требовала с предпринимателя взятку в 3 млн долл. (если бы взятка имела более скромные размеры, скорее всего, этот случай огласки бы не получил).

В-третьих, *непоследовательность и противоречивость*. Как и во многих других ситуациях, проявляется система двойных стандартов: «я и мое окружение — другие». Свое собственное коррупционное поведение, равно как и аналогичное поведение родных и близких, воспринимается как вынужденный ответ на объективные обстоятельства («не подмажешь — не поедешь» и т. п.), не ассоциируется с коррупцией и не получает негативной эмоциональной оценки. В то время как аналогичное поведение других лиц рассматривается как коррупционное и выражающее их негативные личностные качества. Очень симптоматично звучит и выражение: «взятки берем, но решаем по совести».

«Раздвоенность» нашего массового сознания в отношении коррупции проявляется также в том, что, отвечая на вопрос: «кто чаще проявляет инициативу при совершении коррупционной сделки?» более трети респондентов называют чиновника, а оценивая собственный опыт таких сделок, чиновника указывают вдвое меньше — лишь 17 % респондентов [20]. Подобная асимметрия восприятия органично вписывается в закономерности атрибуции ответственности, хорошо известные в социальной психологии [11]. Она, как и общая толерантность общественного мнения в отно-

шении коррупции, очень существенна в ситуации, когда, как отмечает Т.А. Нестик, «коррупция это активное взаимодействие даже не двух, а трех сторон. На макросоциологическом (а, по нашему мнению, и на макропсихологическом) уровне эти стороны представлены бизнесом, государством и обществом, а в сознании непосредственных участников коррупционных сделок — чиновником, предпринимателем и фигурой незримого *другого* (референтной группой, общественным мнением), на которую опирается легитимация любой незаконной деятельности» [23].

Достаточно очевидно проявляется и социально-психологическая особенность нашей культуры, создающая благоприятную среду для коррупции. Она состоит в *приоритете неформальных социальных отношений над формальными*, «не уставных» над «уставными», очень характерном для современной России и других обществ, не изживших элементы патриархальности: «Патернализм, иерархичность и опора на неформальные отношения с властью, подкрепляемые подарками и услугами, стали фундаментальными характеристиками самой российской культуры» [23]. В результате такая форма коррупции, как обмен ненормативных услуг на деньги, дополняется следующими ее видами: обмен услуг на услуги, обмен услуг на приобретение более высокого статуса в различных социальных структурах и др.<sup>2</sup>

<sup>2</sup> Следует подчеркнуть, что в слове «коррупция» (от лат. *corruptio* — портить) определяется как использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее установленным правилам [26, с. 191], а в международных документах, определяющих коррупцию, взятки в денежной форме тоже не упоминаются.

«Взятка — пишет В. Радаев — это всего лишь примитивная начальная форма отношений, которая опосредует короткие (разовые) взаимодействия и характерна преимущественно для чиновника мелкой и средней руки, а также для представителей малого бизнеса. Элементарная взятка перерастает в систему обмена услугами, которые уже не принимают денежную форму и даже не сводятся к личным подаркам-подношениям» [25, с. 162]. Вместе с тем подобные виды коррупции, в отличие от ее денежных форм, не предусмотрены законодательством, что создает для них практически неограниченное пространство для реализации.

Клановость, кумовщина, «банановый» механизм приближения к власти<sup>3</sup> — характерны для нашей культуры, они создают массовую коррупционную среду, куда денежные формы коррупции вписываются очень органично: «Социальные связи в коррумпированных системах реализуются как частные взаимодействия, дружеский или родственный круг» [10]. Симптоматично, что жены наших высоких чиновников часто оказываются «успешными предпринимателями», зарабатывающими в десятки раз больше своих мужей. При этом чиновники, оставляющие высокие посты, как правило, уходят в коммерческие структуры, где активно используют прежние связи, что создает крайне благоприятную среду для коррупционных отношений, хотя и не проявляю-

<sup>3</sup> Появление этого термина связано с тем, что в так называемых банановых республиках родственники президента, как правило, тоже состоят во власти. В нашей стране, конечно, не так, точнее, не совсем так, но важнейшую роль играет то, кто с кем учился, кто на ком женился, кто с кем тренировался у общего тренера и т. п.

щихся в открытой денежной форме. В частности, «родственники чиновников высокого ранга из таможенных или налоговых органов вдруг, независимо от квалификации, оказываются на весьма денежных должностях в коммерческих структурах. (Не менее удачливы и родственники некоторых высокопоставленных служащих из других органов власти)» [14]. Справедливо отмечается, что «не работает у нас и норма о конфликте интересов: когда личные чаяния должностного лица вступают в противоречие с его служебными интересами» [28, с. 4], в отличие от западных стран, где чиновник обязан незамедлительно сообщать о подобных конфликтах.

Для отечественной культуры характерно такое выражение, как «искать выход на» (далее указывается имя большого начальника), и широко распространена модель поведения, когда человек, попав в какую-либо неприятную ситуацию (например, в ДТП) в качестве виновника, тут же начинает звонить не в ГИБДД и не в «Скорую», чтобы пострадавшим была оказана помощь, а друзьям и знакомым — дабы их «отмазали». Как пишет Б. Дубин, «реформаторы постсоветских лет воспитали лукавого гражданина: не доверяющего власти, но полностью от него зависящего, готового взаимодействовать с государством только через «черный ход» беззакония» [18, с. 19].

Привычка добиваться чего-либо по знакомству, по благу и т. п. органически внедрена в наш менталитет, крайне актуальная во времена всеобщего дефицита, она сохранилась и поныне, будучи теперь обращенной не на товары народного потребления, а на другие цели. Опрос, проведенный в Нижнем Новгороде Институтом социологии РАН, по-

казал, что на вопрос: «что необходимо, чтобы стать богатым в России?», 63,6% выбрали ответ «иметь нужные связи» [23]. Нередко проявляются и парадоксы. Так, один из опросов показал, что проблему борьбы с коррупцией 86% населения считают самой важной или одной из важнейших для современной России, но при этом 40% выражают положительное или нейтральное отношение к прямому или косвенному участию в теневой экономике [21], очевидно, не видя связи одного с другим. По данным фонда ИНДЕМ, необходимость избегать коррупции усматривают лишь треть отечественных предпринимателей и менее половины наших сограждан, предпринимательством не занимающихся, а активную антикоррупционную установку имеют лишь 13% предпринимателей и 15% граждан [20].

По всей видимости, получают подтверждение все три основные модели, объясняющие нашу склонность к реализации коррупционных отношений: 1) коррупция — это пережиток советской экономики дефицита; 2) психология взятки укоренена в традиционных отношениях одаривания; 3) взятка представляет собой рациональный инструмент нашей рыночной экономики [10]. При этом самым простым подтверждением их конъюнкции служит то, что мздоимство было характерно для отечественной культуры всегда, но современный уровень коррупции для нее беспрецедентен.

Надстраивание коррупции над системой неформальных, «не уставных» отношений, обладающих в российском обществе приоритетом над отношениями формальными и «уставными», способствует формированию определенной структуры коррупции, придавая ей *орга-*

*низованный характер:* «Коррупционер-одиночка» в современной России — вымирающий вид. Ему на смену пришли неформальные структуры — коррупционные сети. Происходит процесс «корпоративизации коррупции» [16, с. 443]. В этих сетях отчетливо выражены и горизонталь, и вертикаль. Первое — когда, например, «трясти палаточников» приходят двое полицейских, и невозможно представить, чтобы один из них брал с них «дань», не делаясь ею с другим. Второе — это построение коррупционных структур как коррупционных вертикалей, в рамках которых низшие чины непременно делятся с вышестоящими, а те — со своим руководством и т. д. И то, и другое порождает коррупционную «трясину», в рамках которой практически невозможно остаться некоррупцированным. Если же такой человек появляется, от него стремятся скорее «избавиться». При этом отчетливо проявляется феномен «круговой поруки», так как коррупционеры «своих не сдают» [10]. «В определенных сегментах общества, превратившихся в коррупционные полигоны, процедуры формального принятия на службу уже являются допуском в коррупционные системы. Закрытые процедуры кадрового отбора способствуют тому, что к службе в коррупционных системах допускаются субъекты, заведомо готовые к коррупционным практикам» [10]. Изменить сложившуюся ситуацию в подобных организациях можно только извне и при личном участии высокопоставленного начальства. Все это не только придает коррупцированным организациям характер «боевых единиц» и делает их очень устойчивыми, но и порождает хорошо известный в психологии феномен дестрибуции вины и ответственности.

В частности, «субъективное восприятие риска снижается, если чиновник делится взяткой с начальством, продавец отдает часть «отката» руководителю фирмы. И чем многочисленнее сеть участников коррупционной сделки, тем меньше чувство вины... и риск испортить репутацию в случае разоблачения» [16, с. 443], и тем больше выражен эффект «моральной близорукости» в том смысле, который вложил в это понятие Й. Ламмерс [24].

Следует также отметить, что в нашей отечественной культуре весьма размыты границы между собственно взяткой и благодарностью. Еще с советских времен принято считать, что некоторые виды услуг предполагают благодарность (причем не в устной, а в товарно-денежной форме) в качестве само собой разумеющейся, несмотря на то что лица, оказывающие такие услуги, должны безвозмездно делать это в силу своих служебных обязанностей. Так, считается неприличным прийти к врачу и не подарить ему коробку конфет (или алкогольный напиток, если врач мужского пола). Любопытно, что и подношения деньгами, например, тем же врачам, как правило, осуществляются добровольно, без какого-либо принуждения и вымогательства с их стороны, просто потому, что «так принято» (вспоминаются слова из песни Б. Окуджавы про черного кота: «каждый сам ему выносит и спасибо говорит»).

Подобные поступки воспринимаются у нас не как коррупционные, а как выражающие лишь естественную человеческую благодарность, тем более что их адресат ничего не требует взамен своих услуг. Однако подобные формы поведения встречают полное непонимание в

других культурах. Например, наши эмигранты на Брайтон Бич ставят в полное недоумение американских полицейских, пытаясь заплатить им за то, что они выполняют свою работу. А добрые финские транспортные полицейские превращаются в свою противоположность, когда наши водители пытаются вознаградить их доброту денежной купюрой.

В целом можно сделать очень неутешительный вывод о том, что коррупция в современной России — это больше, чем коррупция (даже при самом широком ее толковании, характерном для международных программ борьбы с нею). Коррупция характеризуется (причем даже высокопоставленными чиновниками) как *наш образ жизни* [17]. Возможно, это преувеличение, но трудно не согласиться с тем, что «коррупция в нашей стране образует давно укорененную систему социальных отношений, теснейшим образом переплетенную с другими социальными отношениями», а «правильное лечение страны от коррупции эквивалентно лечению страны вообще» [20].

Мы считаем нормальными и обычными те действия, которые в других странах воспринимаются (и наказуемы) как коррупционные преступления. Подобное отношение к коррупции в России имеет давние традиции. Так, еще в XVIII–XIX вв. воровство и мздоимство в государственных учреждениях получало безусловное одобрение в общественном сознании, что нашло отражение во множестве пословиц и поговорок [12]. В настоящее время, согласно данным различных опросов, практически невозможно найти россиянина, который если не брал бы, то, по крайней мере, время от времени не давал бы взятки в той или

иной форме. Причем, как показывают социологические исследования, коррупционное предложение, то есть количество ситуаций, когда гражданин готов дать взятку, намного превышает коррупционный спрос, то есть число случаев вымогательства взятки [10].

При этом наша страна вписывается и в общемировые закономерности коррупции, находясь под влиянием соответствующих факторов. Так, уровень коррупции возрастает в период модернизации, когда политическая и экономическая активность населения опережает институциональное оформление ее новых форм [4], а эти нормы еще не закреплены в законах и принятие соответствующих решений полностью определяется произволом чиновников. В связи с этим радикальное уменьшение количества разрешительных и запретительных функций чиновников обозначается как одно из главных направлений борьбы с коррупцией. Большое влияние на нее оказывают также равнодушие значительной части населения к нарушению социальных норм, массовый цинизм и утрата здравого смысла [5]. Коррупция связана и с различными особенностями национальной культуры: с традицией делать подарки [1; 2]; такой характеристикой культур, как коллективизм-индивидуализм [6]; особенностями религиозных конфессий [7] и т. д. В результате «*коррупция трактуется не как временное болезненное состояние, а как явление, постоянно воспроизводимое культурной традицией, опирающееся на постоянные, устойчивые черты национальной культуры*» [23].

Подобная трактовка подкрепляется результатами многочисленных исследований культурной обусловленности



коррупции. Вместе с тем следует подчеркнуть и опасность ее абсолютизации: если уровень коррупции определяется особенностями национальной культуры, то попытки его снижения могут восприниматься как бесполезные. Существуют и опровержения этой позиции, состоящие в том, что, например, некоторые страны Юго-Восточной Азии добились ощутимых успехов в борьбе с коррупцией, сохранив свою самобытную культуру. Оптимизм внушают также исследования, демонстрирующие, что люди, переехавшие из стран с высоким уровнем коррупции в страны, где она практически отсутствует, в большинстве своем прекращают совершать коррупционные действия [24]. Однако, возвращаясь в родные, высоко коррумпированные страны, они снова берутся за старое — начинают давать и брать взятки, что позволяет сделать вывод: «Психология человека, которую изучали исследователи, в таких государствах подчиняется социальным институтам, а не доминирует над ними» [24].

### **Психологическая наука и практика в борьбе с коррупцией**

Естественно, в предлагаемых мерах противодействия коррупции в современной России нет недостатка, причем, что тоже естественно, в основном предлагаются меры юридического характера. В то же время регулярно отмечается, что одних лишь законодательных мер для решения этой проблемы недостаточно, они должны дополняться другими, *неюридическими мерами*, к разработке и внедрению которых имеют непосредственное отношение и психологи.

Прежде всего, постоянно подчеркивается необходимость *воли* власти, го-

сударства и всего общества к решению этой проблемы, дефицит которой наблюдается очень отчетливо. Как отмечает Ю.Ю. Болдырев, «проблема не в том, что никто не знает, что делать, а в том, что ни у власти, ни у общества нет главного — воли к решению проблемы» [15, с. 456]. Ее дефицит, конечно, можно списать на то, что с коррупцией борются (или делают вид) в основном чиновники, значительная часть которых сами коррумпированы. Коррупция по-своему удобна власти, она позволяет держать коррумпированных чиновников «на коротком поводке». В России пока не сформировано гражданское общество, которое вынуждало бы чиновников делать то, к чему они не мотивированы. Наши чиновники имеют слишком много разрешительных функций, отсутствует полноценный политический плюрализм и т. п. Подобные факторы действительно очень значимы, что во многом придает проблеме коррупции политический характер.

В то же время большую роль играют обстоятельства, не имеющие прямого отношения к происходящему в чиновничьей среде и во властных структурах, хотя, разумеется, и зависимые от них. Так, совершенно очевидно, что практика борьбы с коррупцией, для того чтобы быть по-настоящему эффективной, должна носить *массовый* характер, не сводиться лишь к усилиям властных структур и отдельных чиновников, даже благонамеренных, а вовлекать широкие массы населения и основываться на соответствующих поведенческих практиках. Это предполагает изменение оптимистического ранее достаточно толерантного отношения к коррупции — как к неизбежному, неискоренимому и не очень значительному злу.

Разноплановыми исследованиями коррупции доказано, что она представляет собой зло *существенное*, разрушающее экономику и общество в целом. Следует подчеркнуть и то, что коррупция, хотя и является в глазах многих не слишком опасным и *неагрессивным* преступлением, однако *лежит в основе* многих страшных преступлений, в том числе агрессивных. События на манежной площади, проникновение террористок на взорванный ими самолет, досрочное освобождение опасных преступников и многие другие серьезные преступления были совершены именно благодаря коррупции. Убедительно продемонстрировано и то, что коррупция *искоренима*. Об этом свидетельствуют примеры Сингапура, Малайзии и ряда других стран, где совсем недавно уровень коррупции был очень высок, но за достаточно короткие сроки были достигнуты ощутимые результаты по его снижению. Благодаря этому Сингапур занял первое место в мировом рейтинге стран по благоприятности условий для ведения бизнеса, что вызвало значительный приток иностранного капитала. Вот и еще одна убедительная иллюстрация негативного влияния коррупции на экономику.

И то, и другое — разрушительное влияние коррупции на все стороны общественной жизни и возможность ее преодоления — следовало бы сделать основой *образовательных программ*, которые необходимо внедрить в нашу систему образования на различных уровнях. Пока же все происходит наоборот. В частности, «молодые люди, вступающие во взрослую жизнь, с самого начала сталкиваются с коррупцией, привыкают с ее помощью решать свои про-

блемы, преодолевать препятствия, начинают считать ее естественной частью социальной среды» [20]. В результате «социальная группа, из которой будут рекрутироваться политические, экономические, военные, культурные и иные элиты, становится разносчиком и мультипликатором коррупции, укореняя ее и умножая ее негативные последствия» [20]. В скептически настроенном, прагматичном и достаточно безнравственном обществе преподнесения проблемы коррупции исключительно в нравственной плоскости явно недостаточно, необходимо *обоснование* ее разрушительного влияния на общество и его экономику и, соответственно, *прагматического* смысла борьбы с нею. Соответствующее знание должно войти в учебники и составлять обязательную часть того знания, которым обладают наши граждане.

Полезной была бы и *массовая пропагандистская кампания* по борьбе с коррупцией с широким вовлечением средств массовой информации (СМИ)<sup>4</sup> и других средств воздействия на массовое сознание, которая с учетом отношения наших граждан к таким кампаниям, их недоверия к СМИ, тенденции нашей молодежи «все делать наоборот» должна быть психологически хорошо продуманной. В этом плане широкие возможности открываются перед социальной рекламой и перед психологами, преуспевшими в ведении пиар-кампаний, к сожалению, часто не на благо общества.

Эта кампания должна быть направлена на изменение не только отношения

---

<sup>4</sup> Повышение роли СМИ в воспитании честности («нечестность должна стать дурным тоном») в качестве одной из основных мер борьбы с коррупцией отмечают и эксперты ИНДЕМ [20].

к коррупции как таковой — выработку отношения к ней как к злу, во-первых, значительному, во-вторых, преодолению, но и соответствующих поведенческих практик и лежащих в их основе стереотипов.

Существуют две основные формы участия простых граждан, не обремененных властью и не имеющих связей с сильными мира сего, в борьбе с коррупцией.

Первая — *пассивная* — форма состоит в том, чтобы, как призывают некоторые идеологи этой борьбы, «просто не давать взятку», что теоретически, конечно, возможно, но, как показывает практика, позволить себе «просто не давать взятки» могут либо такие фирмы, как «ИКЕЯ», либо достаточно известные и влиятельные люди. У простых же смертных это плохо получается и отнюдь не из-за недостатка благих намерений.

Вторая — *активная* — форма охватывает жалобы в соответствующие органы на взятковомогателей, а также на живущих явно не по средствам.

Причем если первое, хотя и требует незаурядного мужества и обычно делается тогда, когда нет другого выхода (например, чиновник требует у предпринимателя взятку, выходящую за пределы его финансовых возможностей), но получает, как правило, общественное одобрение, то второе встречает осуждение, квалифицируется как «донос» и грубое вмешательство в чужие дела. Причины известны. Это и ассоциации с мрачными временами всеобщих доносов (поразительно, что за истекшие 60 лет мы так и не научились различать идеологические доносы и сообщения о

нарушении закона<sup>5</sup>); и несовершенство, а подчас и явная несуразность, наших законов; и отношение к ним как к «чужим», выражающим интересы власти, а не основной части населения<sup>6</sup>; и влияние криминального мира, где «стучать западло»; и нежелание брать на себя ответственность; и недоверие к правоохранительным структурам; и т. п. Однако контраст с западными странами поразителен. Бывавшие там хорошо знают, что, если, например, припарковать автомобиль в неполюженном месте, несколько человек сообщат в полицию, которая незамедлительно приедет, а то, что мы называем доносами, воспринимается как исполнение гражданского долга, получает полную поддержку окружающих и всемерно поощряется, в том числе материально. Поощрение соответствующей практики в современной России было бы не возвратом в «сталинские времена», а внедрением цивилизованного, европейского (а также американского, японского и др.) правосознания и отношения к законам. Соответствующий опыт следовало бы отразить и в наших образовательных программах.

Кодекс честного человека в отношении коррупции, содержащийся в сети Интернет, состоит из трех «НЕ»: «Не бери» (имеются в виду, естественно, взятки — *прим. авт.*), «Не давай», «Не проходи мимо взятчиков и им подобных».

<sup>5</sup> Показателен случай, когда маньяк в течение часа насильствовал и убивал девушку на глазах у многоквартирного дома, ни один из жильцов которого так и не позвонил в милицию. Вот подлинный триумф современной «культуры доносительства».

<sup>6</sup> Как свидетельствуют социологические исследования, «то, что одни называют законопослушанием, другие — доносом, ... доносительство у нас не приветствуется... стучать нельзя, потому что закон — «чужой...» [22, с. 77] и т. п.

Существенным фактором является также *упрощение технического режима* сообщений о нарушении закона. Например, в Финляндии, считающейся самой некоррупцированной страной мира [8], в любом учреждении, где посетитель может подвергнуться вымогательству со стороны чиновника, на самых видных местах обозначены адреса, в том числе электронные, и телефоны служб, куда следует немедленно о нем сообщать. Причем делать это можно и анонимно. Не требуется ни писать именные заявления, которых наши сограждане очень боятся, ни терять время в очереди к ответственным за борьбу с коррупцией, ни тратить конверты на почтовую рассылку. Важно, что уголовное наказание коррупционеров сопровождается их включением в «черные списки», что в дальнейшем не позволяет им устроиться ни на одну государственную должность в течение всей оставшейся жизни. А многие китайские чиновники, осужденные за коррупцию, выйдя на свободу, совершают суицид, не в силах вынести «потерю лица», ибо честь и достоинство в китайской культуре имеют существенное значение [27]. Налицо разительный контраст с современной российской реальностью, в частности, в том, что уличенные в коррупции чиновники снова устраиваются на «хорошие» должности, в том числе государственные, и не переживают угрызений совести, выдавая себя за жертв политических репрессий.

Важное направление участия психологии в борьбе с коррупцией — *психологический мониторинг* законов антикоррупционной направленности,

необходимость которого (что очень отрадно) признают и юристы. Проблема предварительного мониторинга законопроектов особенно актуальна для нашей страны, очень характерными для которой являются «не работающие», а то и в принципе не исполнимые законы, вырабатывающие недоверие населения к законам в целом, а также ситуация, когда принимаются нелепые и непопулярные законопроекты, отменяемые или корректируемые после того, как недовольство ими населения выливается в массовые акции протеста (чего нетрудно было бы избежать, если бы законопроекты подвергались *предварительному* мониторингу). При этом у нас по-прежнему доминирует, в том числе в органах власти, представление о том, что разработка и принятие законов — дело юристов, а обилие в нашем главном законодательном органе спортсменов и шоуменов, а также так называемое массовое обсуждение законопроектов в Интернете не слишком принципиально изменяет ситуацию. Не учитывается тот принципиальный факт, что законы — это *наиболее общие правила организации социальной жизни*, в разработке которых самое активное участие должны принимать представители всех наук, изучающих человека и общество, в том числе психологии. Их разработку следует дополнять предварительным мониторингом, который должен осуществляться представителями различных социальных наук, включая психологию.

Среди психологических проблем коррупции и возможностей психологической науки в их решении следует упомянуть *специальные психологические*

методы, среди которых наиболее часто упоминается полиграф <sup>7</sup>. Возможность проверки на нем претендентов на «взяточное» должности обсуждается регулярно, а в некоторых регионах по инициативе местной администрации соответствующая практика уже внедряется. Правда, при этом постоянно подчеркивается, что проверки на полиграфе должны осуществляться на добровольной основе, при согласии самих проверяемых, что отчасти выхолащивает смысл процедуры. Понятно и то, какие проблемы это порождает. Во-первых, дефицит добровольцев: следует ли отказавшихся пройти проверку на полиграфе вычеркивать из списка претендентов на должность? Во-вторых, неоднозначность интерпретации показаний полиграфа, свидетельствующих не о лжи, а лишь о наличии физиологического возбуждения при ответе на соответствующие вопросы, которое может быть следствием различных факторов <sup>8</sup>. В-третьих, возможность того, что численность прошедших проверку окажется намного меньшей, чем количество вакансий, и будет не ясно, что

делать в этом случае: принимать ли не выдержавших ее? Однако, несмотря на подобные сложности, использование полиграфа, как и психологических тестов, открывает определенные перспективы преодоления коррупции, которые нуждаются в проработке.

Указанные направления, естественно, не исчерпывают потенциальные возможности психологической науки и практики в борьбе с коррупцией. Главное же состоит в том, что такие возможности имеются, и психологии надлежит активно включиться в решение этой проблемы, которую трудно не признать — вслед за Президентом нашей страны [19] — одной из главных проблем современной России.

### Литература

1. *Andvig J.* The economics of corruption: A survey // *Studi economici*. — 1991. — Vol. 46. — № 43. — P. 57–94.
2. *Arunthanes W., Tansuhaj P., Lemac D.J.* Cross-cultural business gift giving. A new conceptualization and theoretical framework // *International marketing review*. — 1994. — Vol. 11. — № 4. — P. 46–47.
3. *Grossman G., Trempl V.G.* Personal incomes in the USSR // *The unofficial economy. Consequences and perspectives in different economic systems* / Ed. by S. Alessandrini, B. Dallago. — Gower, 1987. — P. 285–296.
4. *Huntington S.* Political order in changing societies. — New Haven: Yale University Press, 1968.
5. *Klitgaard R.* Adjusting to reality: Beyond «state versus market» in economic development. — San Francisco: ICS Press, 1991.
6. *LaPalombara J.* Structural and institutional aspects of corruption // *Social research*. — 1994. — Vol. LXI. — P. 325–350.
7. *LaPorta R., Lopez-De-Silanes F., Shleifer A., Vishny R.W.* The quality of government // *The journal of law, economics and organization*. — 1999. — Vol. XY (1). — P. 251–252.
8. Transparency International. — URL: [http://www.transparency.org/policy\\_research/surveys\\_indices/cpi/2010/in\\_detail#1](http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2010/in_detail#1).
9. *Александров Г.* Где конец «откатов» // Аргументы и факты. — 2011. — № 49 [1622].

<sup>7</sup> Существуют и другие подходы к применению психологических методов в целях преодоления коррупции. Например, казанский психолог Г. Гарифуллин рассматривает ее как болезнь, используя для ее лечения психоанализ, групповую психотерапию, гипноз, кодирование и т. п. [13].

<sup>8</sup> Один из признанных авторитетов в этой области П. Экман пишет: «хотя отношение к детектору лжи очень противоречивое, все тем не менее сходятся в одном: ложь как таковую он не обнаруживает. Единственное, что он делает, измеряет интенсивность проявлений возбуждения ВНС, то есть физиологические изменения, происходящие от эмоционального волнения человека» [29, с. 173]. Тем не менее, хотя, например, в 18 штатах США применение ДЛ запрещено, в 30 штатах он применяется, а общее количество его использований в этой стране оценивается как составляющее не менее миллиона в год [29].

10. *Алексеев С.В.* Коррупция в переходном обществе [Электронный ресурс] . — URL: [http://www.seninau.ru/page\\_23202.htm](http://www.seninau.ru/page_23202.htm).
11. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. — М.: Аспект Пресс, 1997.
12. *Антонян Ю.М.* Типология коррупции и коррупционного поведения [Электронный ресурс]. — URL: <http://antonyan-jm.narod.ru/inter3.html>.
13. *Бахтиярова А.* Взятчиков нужно... лечить // Аргументы и факты. — 2011. — № 49 (1622).
14. *Белай В.* Коррупция [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.russian-scientists.ru/club/user/855/blog/373>.
15. *Болдырев Ю.Ю.* Коррупция как системный порок российского капитализма // Незкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние / под ред. О.Т. Богомолова. — М.: Ин-т эконом. стратегий, 2010. — С. 456–474.
16. *Глинкина С.П.* Коррупция: фатальная угроза? // Незкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние / под ред. О.Т. Богомолова. — М.: Ин-т эконом. стратегий, 2010. — С. 427–455.
17. *Гудков Г.* Коррупция для России страшнее НАТО! // Комс. правда. — 2010. — 15 янв.
18. *Дубин Б.* Эпоха большинства // Аргументы и факты. — 2011. — № 45 (1618).
19. Из послания Президента РФ Д. Медведева Федеральному Собранию РФ // Парламент. газ. — 2008. — 7 нояб.
20. Исследование коррупции [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.anti-corr.ru/awbreport>.
21. *Клямкин И., Тимофеев Л.* Теневая Россия. Экономико-социологическое исследование. — М.: РГГУ, 2000.
22. *Любарский Г.* Чиновники и госслужащие: когда монету ценят за герб и ругают за решетку // Соц. реальность. — 2006. — № 1. — С. 73–79.
23. *Нестик Т.А.* Коррупция и культура [Электронный ресурс] // Теневая экономика в советском и постсоветском обществах. 2002. № 4. — URL: <http://corruption.rshu.ru/magazine/3/n4-05.html>.
24. Психологи изучили причины коррупции [Электронный ресурс]. — URL: <http://elizaveta-mc.ru/blogs/tag/%D0%BF%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F%20%D0%BA%D0%BE%D1%80%D1%80%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%B8%D0%BB>.
25. *Радаев В.* Формирование новых российских рынков. — М., 1998. С. 161–168.
26. Социально-психологические исследования криминальной деструктивности личности сотрудников правоохранительных органов / под ред. Д.В. Соичко и Е.Е. Гавриной. — Рязань, 2010.
27. *Тудоровский Я.* В Китае все по плану // Аргументы и факты. — 2011. — № 46 (1619).
28. *Цепляев В., Пивоварова О.* Власть от купюр // Аргументы и факты. — 2011. — № 44 (1617).
29. *Экман П.* Психология лжи: обмани меня, если сможешь. — СПб.: Питер, 2010.
30. *Юревич А.В., Ушаков Д.В., Цапенко И.П.* Количественная оценка макропсихологического состояния современного российского общества // Психол. журн. — 2007. — № 4. — С. 23–34.